

Алла Соколова

Семейные реликвии и еврейская память

Это потому, что вещь — память...¹

Вопросы о содержании и современном состоянии еврейской семейной памяти в Петербурге определяют перспективу данного исследования. Оно было сфокусировано на семейных реликвиях как особом содержательном наполнении семейной памяти и на практиках хранения и презентаций таких вещей их владельцами. Эти практики рассмотрены в статье как специфический способ существования семейной памяти. С точки зрения метода данное исследование можно назвать археологией еврейского «полезного прошлого», т.к. оно связано с анализом материалов интервью, в которых вещи были репрезентированы как еврейские семейные реликвии².

Алла Викторовна Соколова

Государственный музей истории религии / Европейский университет в Санкт-Петербурге, Центр «Петербургская иудаика», allasok10@gmail.com

---

¹ Фраза Евгении Ш. из интервью [Мог_07_095], записанного в Могилеве-Подольском в 2007 г.; хранится в полевом архиве межфакультетского Центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге (далее — ПА МФЦПИ ЕУСПб) в коллекции интервью, собранных в этом и других населенных пунктах Винницкой области Украины. Эта коллекция интервью была записана в рамках полевых школ-экспедиций, организованных Центром «Петербургская иудаика» совместно с Центром «Сэфер» (Москва) в 2005–2008 гг. с целью исследования традиционной культуры еврейского местечка.

² Статья написана по материалам аудио- и видеозаписей интервью, собранных в рамках проекта «Семейные реликвии и еврейская память», который был осуществлен в 2010–2011 гг. Центром «Петербургская иудаика» при поддержке Genesis Philanthropy Group в рамках благотворительной программы CAF Россия «Еврейские сообщества». Записи интервью представлены на сайте <<http://www.jewish-family-relics.ru/index.php>> и хранятся в ПА МФЦПИ ЕУСПб в коллекции «Еврейские семейные реликвии. Санкт-Петербург. 2010–2011» (далее — Relic_Spb_2010_11...).

Интервью были записаны в связи с подготовкой выставки «Еврейские семейные реликвии» в Музее истории религии¹. Именно так была определена цель сбора интервью во время предварительных разговоров с потенциальными участниками проекта, а в ходе интервью эта тема определяла решение вопросов о том, какие вещи следует представить на выставке и почему, нужно ли размещать рядом с предметами фотографии их прежних владельцев, указывать ли на этикетках их имена. Обсуждение подобных вопросов само собой вело интервьюируемых к рассуждениям о своей еврейской идентичности как подлинной, подтвержденной вещественными доказательствами и одновременно как сконструированной на основании идеи о происхождении.

Например, Анатолий Х. говорил по этому поводу следующее: *Я считаю, что от семейной истории я подошел к истории еврейской. Настоящее [осознанное] еврейство началось <...>, я бы сказал, с меня в этой семье. <...> Источником, который толкнул меня к глубокому изучению еврейской истории, явился, безусловно, интерес к семейной истории <...> Еврейство <...>, сегодняшнее еврейство мое, базируется не на традиции религиозной, а базируется на семейной истории [Relic_SPb_2010_11_Kh_An].*

Формат статьи позволяет иным способом трактовать результаты полевого исследования, нежели выставка. Тем не менее эта статья прямо связана не только с анализом материалов интервью, но и с осмыслением музейной выставки как публичного пространства, где было «дано слово вещам», которым как семейным реликвиям делегировано «право говорить» в приватном пространстве дома. Выставка будет рассмотрена здесь как особый случай, позволивший «хранителям» таких вещей поделиться опытом осмысления еврейского прошлого своей семьи с теми, кого такой опыт интересует². По замыслу организаторов экспозиция была устроена так, чтобы обеспечить эту возможность всем, кто принял участие в проекте.

На выставке «Еврейские семейные реликвии» были представлены самые разные предметы: тфилин; талесы из шерсти и шелка, а также другие ритуальные изделия из текстиля; приборы для сервировки стола и посуда, в том числе предметы

¹ Выставка была подготовлена Центром «Петербургская иудаика» совместно с Государственным музеем истории религии и работала с 23 июня по 27 сентября 2011 г.

² Такие задачи ставились в соответствии с современной трактовкой возможностей музейной коммуникации, например с предложенным Иво Мароевичем пониманием выставки как «замкнутой системы», в которой «хронологическое время трансформируется в коммуникативное», экспонируемые «объекты наследия, представляющие различные хронологические или исторические времена, погружены в реальность пространства выставки» и таким образом устанавливается «связь с прошлым в настоящем» [Maroevic 2005: 29–30].

ритуальной утвари; субботние подсвечники; драгоценные ювелирные украшения и безделушки; боевые ордена; предметы одежды, мужской и женской; часы, настенные и настольные; предметы мебели; инструменты для ремонта обуви; книги, религиозные и светские; фотографии, сделанные в ателье и любительские; документы, в том числе рукописные; произведения искусства и предметы ширпотреба. Такой порядок перечисления экспонатов напоминает классификацию животных из «китайской энциклопедии» в рассказе Хорхе Луиса Борхеса [Борхес 1984: 218]¹. Мишель Фуко привел эту классификацию как пример «невозможности мыслить *таким образом*» [Фуко 1994: 28], если не признать априори, что предложенный порядок вещей обусловлен особенностями пространства, «недопустимого осмыслению» [Там же: 29].

Если бы экспонаты на выставке были упорядочены так, как они перечислены выше, то не только посетители, но и экспоненты могли бы рассматривать их как диких образцы еврейской материальной культуры прошлого. Многие музеи знакомят своих посетителей с «народными обычаями и верованиями», предлагая увлекательную задачу реконструкции прошлого как далекой невиданной страны². Посетители выставки «Еврейские семейные реликвии», ожидавшие встречи с царскими памятниками еврейской старины, остались в недоумении. Об этом свидетельствует запись в книге отзывов: «Выставка мне не понятна. Таких вещей много во всех семьях России». Показательна также фраза из другого отзыва: «Простые вещи, за которыми много памяти, семейной истории. Живые вещи о живых людях» <http://www.jewish-family-relics.ru/project_about.php>. Как раз такое впечатление и должна была производить выставка согласно авторскому замыслу. Ее цель заключалась в презентации явлений современной еврейской семейной памяти.

Семейные реликвии каждого из экспонентов были помещены в витринах так, что образовывали композиционное единство (см.: <<http://www.jewish-family-relics.ru/cabinets.php>>). У каждой витрины можно было, используя трубку аудиогuida, услы-

¹ В рассказе Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса» фигурирует отрывок из «некоей китайской энциклопедии», где животные «подразделяются на: а) принадлежащих императору; б) бальзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) заключенных в настоящую классификацию; и) буйствующих как в безумии; к) неисчислимых; л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; м) прочих; н) только что разбивших кувшин; о) издавна кажущихся мухами» [Борхес 1984: 218].

² Кеннет Хадсон рассматривает этот подход к формированию экспозиции на примере ряда исторических музеев, которые привлекают посетителей, используя интерес к далекому прошлому, и экспонируют предметы, хотя и прекрасно сохранные, но мало о чем говорящие сами по себе, без объяснений специалистов [Хадсон 2001: 103–113].

шать голос владельца вещей и узнать из первых уст, как в представленных предметах воплощена память о еврейском прошлом его семьи, и о том, что это за прошлое. На выставке демонстрировался фильм, собранный из фрагментов видеозаписей интервью, который позволял посетителям увидеть те же вещи в руках владельцев, виртуально побывать в гостях почти у каждого из них.

Выставка «Еврейские семейные реликвии», как любая другая музейная экспозиция, формирующая определенное «инструктивное пространство»¹, обладала очевидными признаками гетеротопии. Эта выставка воспринималась посетителями как не совсем обычная только потому, что на ней были представлены вещи, не исключенные из реальной жизни. Диалог между этими вещами и их владельцами не только не был прерван хотя бы на время проведения выставки, но, напротив, сам стал главным объектом презентации. Именно это обстоятельство могло восприниматься как «нарушение» законов традиционной музейной экспозиции и взволновать посетителей, например тех, слова которых приведены выше. Хотелось бы надеяться, что у некоторых посетителей выставки это волнение могло перерасти в беспокойство по поводу судьбы их собственных семейных реликвий и семейной памяти.

* * *

Словосочетание «еврейская семейная реликвия» появилось на этапе полевой работы для обозначения вещей, в которых, по мнению их владельцев, воплощена память о представителях предыдущих поколений семьи и важных событиях в их жизни. В одном из самых известных и авторитетных словарей русского языка, словаре Ожегова, термин «реликвия» определен следующим образом: «Вещь, свято хранимая как память о прошлом» [Ожегов 1984: 602].

В проекте этот термин был определен так, чтобы вопрос о «хранении» превратился в целую серию вопросов о семейных реликвиях и обращении с ними. Это произошло потому, что исследование было сфокусировано на отношениях, которые возникают между людьми и вещами, когда люди становятся хранителями памяти о (еврейском) прошлом, а вещи, воплощающие в себе эту память, выступают гарантами «присутствия» прошлого в настоящем.

Вопросы такого рода отсылают к целому ряду исследований, связанных с направлением, которое называют «поворотом

---

¹ Этот термин использован здесь в том же смысле, как в статье Марты де Магальес [Магальес 2009: 286–305].

к материальному»¹. В таких исследованиях отношения между людьми и вещами трактуются как особые практики, не сводимые к разного рода церемониальным действиям, связанным с публичной репрезентацией вещи как социального символа и знака. Например, предлагаемое в этой статье определение еврейских семейных реликвий как вещей, наделяющих идею о еврейском происхождении материальной объективностью, очень близко к трактовке Ирвинга Гофмана «священных реликвий, сувениров, подарков и локонов волос». По его словам, такие вещи «поддерживают некую физическую непрерывность связи с тем, о чем напоминают» [Гофман 2006: 117].

Феномен семейных реликвий рассмотрен в фундаментальном исследовании семейной памяти, выполненном Ириной Разумовой. Она трактует семейные реликвии как предметы, символическое значение которых — «воплощение идеи рода» [Разумова 2001: 162]. Мне хотелось бы определить понятие «семейные реликвии» иначе, так, чтобы можно было прояснить смысл их репрезентации хранителем как предъявление вещественных доказательств подлинности его происхождения, понимаемого как неотъемлемая часть личности. По моему мнению, именно роль владельца семейных реликвий, которая предполагает персональную ответственность за их сохранность, обеспечивает человеку возможность репрезентировать личные представления о прошлом семьи как ее подлинную историю. Участники проекта воспользовались этой возможностью в полной мере.

Ихес и семейные реликвии. Случай Евгении Ш.

В эпиграф статьи вынесена фраза Евгении Ш., устанавливающая тождество вещи и памяти, из интервью с ней и ее мужем Ефимом Г. [Mog_07_095]. Это интервью было посвящено прояснению понятия «ихес»². «Вещь», упомянутая Евгенией Ш., — это «Эстер мегила» (пергаменный свиток с текстом «книги Эстер»). Ефим Г. достал из шкафа матерчатый мешочек с несколькими свертками в ответ на просьбу интервьюера показать монету, которую «ребё подарил» прадеду Евгении Ш. (Рассказ об этой монете был записан ранее.) В первую очередь Ефим Г. извлек из мешочка и старых газет вовсе не монету, а свиток Эстер (ил. 1).

¹ Так это направление определено, например, Виктором Вахштайном [Вахштайн 2006].

² Ихес — родословная, знатное происхождение. Корпус аудиозаписей, связанных с обсуждением понятия «ихес» в Тульчине (Украина), был рассмотрен Анной Кушковой [Кушкова 2008]. Данное интервью, записанное при участии А. Кушковой, в ее статьях не анализировалось.

Ил. 1. Ефим Г. показывает свиток Эстер во время интервью.
Фотография Анны Кушковой, 2007 г.

Е.Г. Эстер мегила...

Е.Ш. Это прапрапрадед...

Е.Г. Писал сам. Ты видишь, это на пергаменте написано.

<...>

Инт. Это Ваш прадедушка писал, да?

Е.Ш. Да, это шестое поколение... да, от руки. Так вот, [это] доказательство **фин им ихес** <...> — протонародье этим не занималось...

Инт. Это доказательство **фин им ихес**, да?

Е.Ш. Ну это не... Это потому, что вещь — память... Но я говорю, это доказывает...

[показывает серебряный рубль]: Монета...

Е.Г. *Монета вот... С одной стороны и с другой стороны...*

Е.Ш. [показывает пояс из серебряных монет XIX в.]: *Ну это не достопримечательность, это просто пояс...*

<...>

Е.Г. *А это не от пояса монеты, это просто монеты, серебряные...*

Инт. *А вот покажите еще раз вот эту из монет цепочку.*

Е.Ш. *Пояс?*

Инт. *Да, пояс.*

Е.Ш. *Это кусочек пояса.*

Инт. *И откуда у Вас этот пояс, Вы сказали <...>?*

Е.Ш. *От бабушки.*

<...>

Инт. *А вот эту монету кто подарил, Вы говорите?*

Е.Ш. *Ребе.*

Е.Г. *А гитер ид¹, — ребе.*

Инт. *Вос хейст а гитер ид (Что значит а гитер ид)?*

Е.Ш. *Ну вот так назывались эти... рабуним, которые давали благословение...*

<...>

Инт. *А этот гитер ид, он здесь в Могилеве жил?*

Е.Ш. *В Рашкове... Это в Молдавии.*

<...>

Инт. *То есть дедушка в Рашков к нему поехал, да?*

Е.Ш. *Да, он был его как бы... хусид. Потому что каждый [ребе] имел своих хасидов, приверженцев. Дедушка был хусид дем Рашков-ребе² [Мог_07_095].*

Только после осмотра и фотографирования свитка Эстер Ефим Г. предложил интервьюерам посмотреть на серебряный рубль (1840 г.), о котором они спрашивали, а затем и на другие вещи из того же мешочка: серебряные десяти- и пятнадцатикопеечные монетки 1905 г., бокальчики и столовые приборы. В это время Евгения Ш. показала присутствующим пояс ее бабушки, сделанный из монет, и брошку прабабушки.

Этот фрагмент интервью позволяет заметить, что семейные реликвии до известной степени обеспечивают сохранение в семейной памяти глубинных слоев прошлого. Именно поэтому их отсутствие можно рассматривать как признак кризисного состояния семейной памяти.

Идея предъявить свиток Эстер как вещественное доказательство высокого происхождения жены возникла у Ефима Г. прямо во время интервью. Строго говоря, только этот предмет

¹ *А гитер ид* — украинский идиш, дословно 'добрый еврей', просторечный синоним слова *цадик*.

² Имена *цадиков* включали названия местечек, где они жили, с прибавлением почетного титула «ребе» (учитель).

и был представлен интервьюерам как вещь, воплощающая в себе идею знатного происхождения. Действуя в соответствии с еврейскими традиционными представлениями, Ефим Г. недвусмысленно выразил свое особое почтение к свитку, по собственной инициативе продемонстрировав его присутствующим. Евгения Ш. подчеркнула, что эта вещь старинная — «шестое поколение», т.е. в высшей степени достоверное доказательство ее высокого *ихеса*. Монета, полученная дедом Евгении Ш. от его ребе, (в сравнении со свитком) была признана лишь «достопримечательностью», а принадлежавший ее бабушке старинный пояс, собранный из серебряных монет XIX в., и вовсе «просто пояском».

По сути дела, Евгения Ш. и Ефим Г. предъявили интервьюерам спонтанно выстроенную иерархическую систему, в которой нашли место всем упомянутым предметам. В контексте этого интервью, посвященного понятию *ихес*, особый смысл получило заключительное замечание Евгении Ш. о том, что серебряные бокальчики, которые она когда-то держала в серванте за стеклом, ее приятельница называла «фамильным серебром». Так Евгения Ш. намекнула, что с иронией относится к понятию «фамильные драгоценности», хотя к предметам, в которых, по ее мнению, воплощена память о прошлом семьи и особенно о высоком происхождении, — очень серьезно.

Предложенный Евгенией Ш. иерархический порядок вещей, которые она хранит как семейные реликвии, выглядит в контексте данного интервью очень убедительно. Между тем совершенно очевидно, что вне этого контекста данный порядок напоминал бы процитированную выше «классификацию из “китайской” энциклопедии». Именно поэтому мне показалось важным обеспечить посетителям выставки «Еврейские семейные реликвии» возможность рассматривать представленные вещи, слушая при этом рассказы их владельцев.

Прежде чем приступить к рассмотрению репрезентаций семейных реликвий как вещественных доказательств подлинности еврейского происхождения, представляется необходимым обратиться к понятию «еврейская семейная память».

Семейная память и еврейская память

Название проекта — «Семейные реликвии и еврейская память» — отсылает к известной книге Йосефа Хайма Йерушалми «Захор. Еврейская история и еврейская память» [Йерушалми 2004]. Рассуждая в последней главе об упадке современной еврейской памяти, Йерушалми поясняет, что называет еврейской «вполне определенный вид памяти о прошлом — еврей-

скую традицию», а также замечает, что в современном мире бытует множество еврейских прошлых, «съжившихся до размеров одного-двух поколений» [Йерушалми 2004: 108]. Йерушалми противопоставляет конструированию прошлого, пригодного, по его мнению, для формирования еврейского национального достояния, семейные памяти, производящие разнообразные, преимущественно «тривиальные» прошлые. Он признает влияние семейной памяти на «жизнь всего еврейского народа», но отмечает, что «весь труд наведения мостов к своему народу по-прежнему лежит на историке» [Там же: 109]. Особенно показательно беспокойство Йерушалми о том, что семейные памяти, производящие «хаос изменчивых и зыбких прошлых», иногда даже грозят заглушить «голос историка»¹.

Возможно, семейные воспоминания просто не интересны Йерушалми, в отличие, например, от Марка Зборовского и Элизабет Герцог. Их книга «Жизнь с народом: культура штетла» [Zborowski, Herzog 1952; 1962]² написана на основании воспоминаний американских евреев, выходцев из еврейских городков Восточной Европы. Исследование проводилось после того, как Вторая мировая война превратила штетлы из своеобразных еврейских *milieux de mémoire*³ в *lieux de mémoire*⁴ — места памяти восточно-европейского еврейства.

Во многом благодаря мифологии штетла, которая была создана Зборовским и Герцог, исследования, основанные на материалах интервью с уроженцами еврейских местечек, образовали особое направление в современной иудаике. Полевые материалы позволили прояснить многие знаковые явления традиционной еврейской жизни и составить представление о ее местах памяти в Восточной Европе. Для прояснения специфики еврейских мест памяти в «больших» и «нееврейских» городах, например таких как Петербург, подобный материал практически не использовался⁵.

Проект «Семейные реликвии и еврейская память» сфокусирован на семейных реликвиях как особых местах еврейской памяти и призван привлечь внимание к проблемам ее сохране-

¹ Представляется, что совсем неплохо, если семейное или собственное прожитое прошлое заглушает или хотя бы конкурирует с официально признанным «голосом историка».

² Первое издание называлось «Life is with People: The Jewish Little-town in Eastern Europe» [Zborowski, Herzog 1952], все последующие — «Life is with People: The Culture of the Shtetl» [Zborowski, Herzog 1962].

³ *Milieux de mémoire* — термин Пьера Нора, который понимают как *среда памяти*, т.е. среда сообщества, в котором циркулируют представления о прошлом, объединяющие и отличающие его от других сообществ [Nora 1989: 7].

⁴ *Lieux de mémoire* — термин Пьера Нора, который переводят как *места памяти* [Нора 1999].

⁵ В ПА МФЦПИ ЕУСПБ хранится собрание интервью, записанных в 2006 г. в рамках проекта «Советская еврейская интеллигенция», выполненного под руководством А. Львова.

ния. Выставка «Еврейские семейные реликвии» была задумана как акция, реабилитирующая культуру семейной памяти, травмированную в советское время в результате государственной политики преобразования института семьи. Большинство еврейских семей и семей с еврейскими корнями утратили язык, который считался родным еще два поколения назад. Многие из участников проекта старше 60 лет хранят детские воспоминания об идише как о «языке, на котором говорили взрослые, когда хотели, чтобы дети их не поняли». Массовый разрыв всех связей с еврейской религиозной традицией, произошедший у поколения их родителей, был во многом результатом советской антирелигиозной политики. Из интервью, собранных в рамках проекта, следует, что дедушки и бабушки, оглядываясь на своих детей, как правило, не считали возможным привлекать внуков к участию в религиозных ритуалах, даже если открыто исполняли их.

Светская еврейская культура была сначала советизирована, а в послевоенное время почти полностью исключена из публичной сферы. То немногое, что было оставлено, подвергалось жесткой политической цензуре [Гительман 2008: 201–262; Костырченко 2009: 210–286]. С конца 1940-х гг., когда существование даже светских еврейских организаций стало практически невозможным, семья осталась единственным институтом, который позволял проявлять еврейскую идентичность хотя бы в приватном пространстве. Судя по интервью, понятие «еврейский дом» оставалось вполне значимым, хотя и эфемерным. Смысл этого понятия отчасти раскрывается в рассуждениях о приверженности семьи неким «еврейским традициям», которые варьируются в диапазоне от имянаречения до кулинарии.

До начала 1980-х гг. предметы еврейской ритуальной утвари, книги на иврите и идише, изданные до октябрьского переворота, хранили вдали от посторонних глаз (в конце 1940-х гг. даже уничтожали)¹. Считалось, что такие предметы могут быть использованы властями как улики при обвинении в еврейском национализме и сионизме². Этим вещам обычно присваивался статус семейной реликвии, если владельцу удавалось составить хотя бы самое общее представление об их происхождении или назначении. Подобные моменты могут быть осмыслены как ситуации, когда возникает «интерес к местам памяти, где

---

¹ О том, как сжигали еврейские книги, признанные опасными, рассказывают многие интервьюируемые, см., например, интервью с Зоарой Ш.: [Relic_SPb_2010_11_Sh_Z], Исанной Л. [Relic_SPb_2010_11_L_Is]. Об этом упомянуто также в воспоминаниях литовского еврейского писателя Йокубаса Йосаде [Цейтлин 2001: 45].

² После разгона в 1948 г. Еврейского антифашистского комитета обвинения в еврейском национализме приобрели массовый характер [Костырченко 2009: 163–209].

память кристаллизуется и находит свое убежище, <...> когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [Нора 1999: 17]. Представляется, что рост численности мест памяти — это свидетельство любых ее трансформаций, не только угасания, как считает Нора, но и возрождения¹.

Либерализация жизни в постсоветской России и, в частности, формирование разных публичных пространств, где можно продемонстрировать свою еврейскую идентичность, провоцировали многих к тому, чтобы по-новому примериться к своему еврейскому происхождению. По мнению Цви Гительмана, современная «еврейская идентичность российских и украинских евреев сильнее, чем можно предположить, но <...> проблематична», она «уникальный продукт более не существующего советского окружения» [Гительман 2008: 365]. Представляется, что осмысление способов конструирования этой особой идентичности требует переоценки семейной памяти как ресурса, обеспечивающего возможность компенсировать разрывы с прошлым, в частности посредством «производства» семейных реликвий. Воплощая в себе прошлое, они способствуют запоминанию и поминовению его важных моментов, служат своего рода медиаторами семейной памяти.

Прошлое реконструируется и репрезентируется семейной, как и любой другой коллективной памятью в устных и письменных текстах, ритуализированных практиках, а также в символически значимых элементах предметно-пространственного окружения. Для воплощения семейной памяти наиболее пригодны предметы, формирующие приватное пространство, т.е. вещи, которым «место в доме».

Вещественные доказательства еврейского происхождения

Сбор экспонатов для выставки показал, что еврейской может быть представлена практически любая семейная реликвия, если ее хранителю потребуется осмыслить и репрезентировать прошлое семьи как еврейское. И. Разумова справедливо отметила, что при определенных условиях практически любая вещь может выступить в роли семейной реликвии [Разумова 2001: 163].

¹ См., например, критику Яэль Зерубавель по поводу рассуждений Нора и Йерушалми о «смерти памяти». Зерубавель приводит в пример крепость Масаду как место памяти, которое было реанимировано в XIX в. после столетий забвения [Зерубавель 2008: 193–220].

Вопрос о том, как отобрать среди своих семейных реликвий вещи, которые свидетельствуют о еврейском происхождении, участники проекта решали по-разному. Некоторые вовсе не считали нужным делить их на еврейские и нееврейские. Например, Людмила Р. предлагала взять на выставку все ее семейные реликвии без исключения. На мой вопрос о том, что еврейского в настенных часах работы ее деда (ил. 2), который был ювелиром и часовщиком, она ответила, указав на циферблат часов: *Посмотрите, вот здесь в центре написано: «Rummel»... Это — его фамилия* [Relic_SPb_2010_11_R_Lud]. Несмотря на то что надпись была сделана в латинской графике, Людмила Р. посчитала ее абсолютно бесспорным аргументом для того, чтобы считать часы деда, а вместе с ними его пенсне и портрет столь же бесспорными кандидатами на выставку под названием «Еврейские семейные реликвии», как и молитвенник бабушки. О последнем Людмила Р. почти ничего не рассказала, в ее воспоминаниях о бабушке как о «прекрасной хозяйке» фигурировали предметы сервировки стола, которые были отобраны для выставки, но не молитвенник. Между тем во время предварительного разговора об участии в проекте Людмила Р. в первую очередь упомянула именно об этом ничем не примечательном молитвеннике.

Ил. 2. Настенные часы работы Исаака Львовича Руммеля, деда Людмилы Р.¹

¹ Здесь и далее фотографии Аллы Соколовой, 2011 г.

Почти все, с кем мне довелось обсуждать вопрос о том, какие предметы могли бы стать экспонатами выставки (а не только те немногие, кто в настоящее время считает себя соблюдающим религиозные предписания), продемонстрировали особое отношение к религиозным книгам и предметам еврейского ритуального обихода, принадлежавшим представителям предыдущих поколений семьи. Многие из тех, кто отклонил просьбу принять участие в проекте, говорили, что у них нет ничего подходящего для такой выставки. Как можно было понять из объяснений, под «нет ничего» подразумевалось отсутствие каких-либо предметов еврейского ритуального обихода и старинных религиозных книг. Такая реакция связана далеко не только с тем, что местом проведения выставки был Музей истории религии, о чем я говорила, когда рассказывала о проекте. Большинство людей, с которыми я обсуждала возможность участия в проекте, полагало, что атеизму в этом музее по прежнему уделяется не меньше внимания, чем религии. Почти все они привыкли называть его Музеем атеизма. Представляется, что причины особого внимания к семейным реликвиям из числа предметов религиозного обихода кроются в том, что именно такие вещи принято считать наиболее убедительными из всевозможных материальных свидетельств еврейского происхождения. Владельцы предметов еврейского религиозного обихода, приглашенные принять участие в проекте, с готовностью откликнулись на просьбу стать экспонентами выставки.

Среди экспонатов этой выставки было несколько талесов, изготовленных во второй половине XIX — начале XX в. Александр С., владельца талеса из жаккардового шелка (ил. 3), упомянул, что не знает, кому именно принадлежал этот предмет в прошлом, и добавил шутя: *В каждой семье должны быть свои тайны* [Relic_SPb_2010_11_S_AI]. Действительно, семейные реликвии служат не только вещественными доказательствами подлинности того прошлого, о котором повествуют семейные предания, но и свидетельствами того прошлого, о котором они умалчивают.

Ответ Александра С. показался бы всего лишь шуткой, если бы другие участники проекта не рассказали, как неожиданно для себя узнали о назначении и / или принадлежности предметов ритуального обихода, которые долгое время хранились в доме тайно и были обнаружены неожиданно. Например, Наталья Ф. сообщила о том, как в первый раз посетила синагогу в середине 1960-х гг. (*это мне уже было лет 27–28* [Relic_SPb_2010_11_Fr_AI_Nat]), увидела там молящихся мужчин и поняла, что «шарфик», который хранится в домашнем белье шкафу, не что иное, как талес. Вернувшись домой, она выяснила у мамы, что

Ил. 3. Александр С. показывает во время интервью свою семейную реликвию — талес из жаккардового шелка

этот талес принадлежал отцу. Спустя много лет, уже после смерти матери, Наталья Ф. нашла в ее вещах мешок для талеса [Relic_SPb_2010_11_Fr_AI_Nat]. Ольга М. узнала о том, что бархатный мешочек, найденный *после смерти мамы среди ее швейных принадлежностей*, — это мешочек для тфилин, спустя много лет после того, как впервые обратила на него внимание (ил. 4). До этого она предполагала иное.

Ил. 4. Семейная реликвия Ольги М. — мешочек для тфилин: лицевая сторона мешочка с вышитой монограммой G.A., оборотная сторона с магендовидом и датой по еврейскому календарю: 5674 (1914 г.)

Когда я его увидела, и увидела звезду — магендавид — и номер четырехзначный, то мне почему то показалось, что это что-то из концлагеря, где убивали, во времена Холокоста убивали людей <...> что это кто-то, когда мама была в Риге после войны, то просто кто-то им [с отцом], наверное, дал из людей, переживших страшное это время... А потом я его показала приехавшей родственнице из Израйля, и она сказала: «Да что ты, это же год по еврейскому календарю... ничего такого, со смертью он не связан. Это вовсе даже относится к религиозным каким-то вот действиям, к тому же владельцы — мужчины...» — чем меня несказанно удивила [Relic_SPb_2010_11_M_OI].

Во время интервью Ольга М. впервые заметила, что монограмма, вышитая на мешочке, состоит из замысловато переплетенных букв «G» и «A», инициалов ее отца. Затем она высказала предположение, что дата по еврейскому летоисчислению — 5674 (1914 г.) — вышита на мешочке потому, что в том году ее отец уехал из дома и *его мать... она ему на память дала этот мешочек* [Там же].

Представляется, что предмет ритуального обихода обладает высоким потенциалом для превращения в семейную реликвию потому, что его особое назначение и сакральный статус могут быть относительно легко идентифицированы, т.е. может быть реконструировано основание для сакрализации предмета в рамках семейного мифа. Такой предмет осмысливается как *место памяти* о еврейской религиозной традиции, которая в прошлом определяла уклад жизни семьи.

Екатерина К. предложила на выставку золотой браслет, подаренный ее бабушке по случаю свадьбы. Этот предмет был представлен еврейской семейной реликвией на том основании, что однажды он был использован в традиционной магической практике. По словам Екатерины К., этот браслет в числе еще нескольких золотых вещей, принадлежавших присутствовавшим на церемонии бракосочетания, был помещен под порог дома, который переступила новобрачная, когда *вышла из-под хуны* [Relic_SPb_2010_11_El_Ek].

Сложнее происходило присвоение статуса еврейской семейной реликвии вещам, не предназначенным для еврейских религиозных ритуалов и в них не задействованным. Показателен поиск оснований для присвоения такого статуса старинному самовару, предмету, вовсе не связанному с каким-либо религиозным ритуалом. Его владелец Исаак К. успешно справился с этой задачей. Он, единственный из участников проекта родившийся и выросший в типичном еврейском местечке (Капрешты, Молдавия), рассказал, что дорожит воспоминаниями

о детстве: *Я хочу, чтобы оно [еврейское местечко] было для меня как «Амаркорд»* [Relic_SPb_2010_11_Ku_Is]. Полевые исследования в бывших еврейских местечках на Украине показали, что местные уроженцы, евреи и неевреи, репрезентируют как еврейские многие объекты, связанные в их представлениях с предметным миром «старины», например дома кустарной постройки определенного типа, а также предметы домашней обстановки и вещи, вышедшие из обращения¹.

Воспоминания Исаака К. о детстве явились достаточно прочным основанием для того, чтобы он мог представить еврейской любую из своих семейных реликвий, связанных с этими воспоминаниями. Он составил для самовара, который *для бабушки был какой-то вещью знаковой*, подробную «культурную биографию» в координатах принадлежности и наследования²:

И бабушка подарила этот самовар маме. Мы пили чай из него. <...> А потом лет двадцать назад я привез его сюда [в Ленинград]. Лежит у меня как реликвия. Поскольку ничего больше не было. <...> Мама сказала, что [самовар] ей подарила на свадьбу бабушка Лея³... Как оторвала от сердца. <...> Я приехал, пизжон ленинградский, приехал [домой в Капрешты]... ах-ах-ах, где тут экзотика? Стоит самовар, уже мама из него не пьет. <...> Мама считала, что это самое большое богатство у нее. <...> Она отдала с удовольствием его, потому что она понимала... У нас никто не рисовал этих деревьев родственников [Relic_SPb_2010_11_Ku_Is].

Представляется, что самовар, наделенный такой безупречной «культурной биографией», должен был бы получить и роль главного вещественного доказательства еврейского происхождения владельца. Однако во время интервью Исаак К., стирая пыль с самовара (ил. 5), вдруг завел разговор об отцовском талесе: *Самовар — это семейное, это семейная реликвия... Я хотел что-то вот, чтобы было семейное... Вот папин телес... <...> Он его ни разу не надевал. Я его... Я два раза в жизни его надевал — я два раза был на изгоре [участвовал в поминальной молитве] здесь в синагоге. Два раза в жизни я его надевал* [Там же].

¹ О традиции репрезентаций домов рядовой застройки как экзотических памятников «еврейской старины» см.: [Соколова 2008: 55–62].

² Здесь мною использован термин «культурная биография» Игоря Копытофф с учетом его отсылки к анализу Уильяма Риверса «биографии вещей в координатах их принадлежности» [Копытофф 2006: 137], а также заключение Копытофф о том, что «культурно специфический» смысл вещей зависит «не от содержания [их] биографии, а от того, как и с какой точки зрения оно рассматривается» [Там же: 139].

³ Исаак К. подробно рассказал о своей бабушке Лее, первой владелице самовара: о том, как она была приглашена в Америку ее дядей, но опоздала на корабль (тот самый «Титаник») и дожила свой век в Молдавии в еврейском местечке Сороки [Relic_SPb_2010_11_Ku_Is].

Ил. 5. Исаак К. во время интервью

На первый взгляд упоминание о талесе отца потребовалось Исааку К. только для того, чтобы обеспечить, хотя бы на словах, полноту и симметрию комплектации семейных реликвий: «мамин самовар» и «папин талес». Возможно также, что Исаак К. заговорил об отцовском талесе по другой причине — чтобы сделать свою репрезентацию самовара как еврейской семейной реликвии абсолютно бесспорной.

Белла Б. тоже вспомнила о талесе во время интервью, когда показывала отобранные для выставки вещи деда: несколько книг, которые были им собственноручно переплетены, а также салфетку, под которой он хранил эти книги в шкафу. По словам Беллы Б., деда похоронили в талесе «согласно традиции». По сути дела, факт отсутствия талеса среди вещей деда и объяснение этого обстоятельства послужили основанием для присвоения статуса еврейских всем семейным реликвиям, которые напоминают Белле Б. о доме деда и о нем самом [Relic_SPb_2010_11_B_Bel].

В процессе подготовки выставки участники проекта использовали в качестве «волшебного слова» для превращения семейных реликвий в еврейские помимо слова «талес» наименования и других предметов еврейского ритуального обихода. Это превращение происходило не только на словах — в пространстве дискурса, но и в музейном пространстве. По общему мнению участников проекта, в «комплекте» с предметами ритуального обихода любые другие семейные реликвии могли быть представлены в витринах на выставке как еврейские. Например, от Юлии О. в дополнение к субботним подсвечникам пра-

бабушки был получен хрустальный графин. Юлия отметила, что из антикварных вещей, которых когда-то было много, потому что прабабушка *занималась торговлей антиквариатом*, только графин и остался, и рассказала о том, что в нем подавали вино на праздничный стол — прабабушка любила застолья [Relic_SPb_2010_11_Ol_Yu]. Скучность сведений о графине искупили подсвечники. Во время интервью они стояли рядом с графином на столе, за которым сидела Юлия. Уже тогда стало ясно, что примерно так и следует разместить эти вещи в музейной витрине (ил. 6, 7).

Ил. 6. Юлия О. во время интервью

Ил. 7. Семейные реликвии Юлии О. на выставке

Предметы, которые использовались для сервировки пасхального праздничного стола, сами по себе могли быть признаны подходящими для экспонирования на выставке. Например, блюдо для фаршированной рыбы. Его владелица Татьяна З. рассказала:

Оно все треснутое, склеенное, но я его храню, потому что вот именно на нем бабушка всегда подавала фаршированную рыбу. Причем рыба была не кошерная, почти всегда... [Чаще всего] это был сом, которого [только и] удавалось купить в советское время. Ну... бабушка очень всегда четко... она считала, что на Пасху обязательно должна быть фаршированная рыба. То есть без рыбы — это не Пасха. <...> У бабушки просто с детства, видимо, были такие воспоминания, что без фаршированной рыбы это просто не стол. <...> Она все прекрасно знала. Я думаю, что она знала очень хорошо, потому что все-таки она 1904 года рождения. И собственно у нее детство прошло в Витебске, причем, как она рассказывала, у нее там даже по субботам, например, мама ничего никогда не делала. Хотя она была не очень религиозная, но всегда приглашали какого-нибудь русского человека, который там... печку топил <...>, чего-нибудь там готовил. <...> Она прекрасно знала, что такое кошерное. <...> Но она считала, что в таких условиях советских это как раз тот вариант, можно заменить одно на другое [кошерную рыбу на некошерную] [Relic_SPb_2010_11_Z_T].

Акварельный натюрморт с такими «пасхальными» сомами, написанный Татьяной Зусес, экспонировался на выставке. Он висел на стене рядом с витриной, в которой были помещены блюдо для фаршированной рыбы и старинный альбом с семейными фотографиями (ил. 8). Над этой витриной висели два офорта Арона Зинштейна, один — по фотографии из этого альбома, другой — портрет Татьяниной бабушки с натуры, под ним — ее фотопортрет начала 1920-х гг.

Еврейское семейное прошлое в фотографиях и фотоальбомах

Некоторые участники проекта объясняли отсутствие у них фотографий бабушек и дедушек тем, что «раньше евреи старались не фотографироваться без крайней необходимости». Владельцы «старинных» фотографий представителей предшествующих поколений семьи часто присваивают некоторым из них статус семейной реликвии. Демонстрируя такую фотографию, ее владелец обращает внимание не только на изображение, но и на степень сохранности бумаги или картона, на котором она напечатана, на окантовку или раму, т.е. на «приметы времени», которые зримо отражают превратности судьбы ее прежних владельцев.

Ил. 8. Витрина с семейными реликвиями Татьяны З. на выставке

Далеко не все семейные фотоальбомы и фотографии, которые демонстрировались во время интервью, были репрезентированы как еврейские семейные реликвии. К таковым уверенно причисляли альбомы, в которых имелась хотя бы одна фотография представителя предшествующих поколений семьи, обладающего эмблематически маркированной внешностью еврея или еврейки. Для мужчин это характерные борода и головной убор, картуз или ермолка, для женщин — парик, обычно выглядывающий из-под головного убора¹. Групповые семейные фотографии, на которых хотя бы один из запечатленных членов семьи обладал такой внешностью, обычно наделены статусом еврейской семейной реликвии сами по себе.

В качестве еврейских семейных реликвий на выставке экспонировались несколько групповых семейных фотографий и фотопортретов начала XX в., а также три фотоальбома. Один из них был представлен владельцем в память о его отце, который собственноручно отобрал фотографии из семейного архива,

¹ Об эмблематических маркерах внешности российских евреев на фотографиях 1910–1930-х гг. см.: [Иванов 2008: 391–393].

вклеил в альбом и надписал [Relic_SPb_2010_11_Ya_Sem]. Два других альбома были представлены семейными реликвиями, потому что с ними были прочно связаны воспоминания владельца о детстве. Во время интервью обе вспоминали о том, как детьми рассматривали альбом: одна — с бабушкой [Relic_SPb_2010_11_Z_T], другая — с мамой [Relic_SPb_2010_11_L_Is].

Хранители таких семейных реликвий, как фотоальбомы (или наборы фотографий), обычно заботятся об идентификации изображенных на фотографиях людей как членов семьи или их друзей. Фотография, атрибуция которой вызывает затруднения у владельца, может быть изъята из альбома¹.

Предмет, предоставленный на выставку Александром Л., — серебряный портсигар с миниатюрным фотопортретом на крышке — соединил в себе достоинства «еврейской» фотографии и мемориальной вещи с дарственной надписью. Александр Л. перечислил по порядку все моменты, которые считает определяющими эту вещь как еврейскую семейную реликвию: *Его [прапрадеда] миниатюра тут на этом портсигаре присутствует... родственники [подарили ему] в связи с каким-то юбилеем, ну наверное, это было пятидесятилетие... судя по портрету этого почтенного еврейского старца. Подарили этот портсигар, а чтобы он помнил, кто же подарил, — тут есть соответствующие накладные монограммы: Миля, Vera, Рива, Феня, Абрамъ... <...>. Ну, собственно, такие имена выдают дарителей, мне кажется, с потрохами* [Relic_SPb_2010_11_L_Al_I].

Имена дарителей портсигара написаны на нем кириллицей, их родственные отношения с юбиляром в надписях никак не определены. Тем не менее Александр Л. уделил чтению и комментированию этих имен особое внимание, ничуть не меньшее, чем единственной уцелевшей в семье фотографии прапрадеда, помещенной на портсигаре (ил. 9).

Надписи, сопутствующие изображению на фотографии, которая признана еврейской семейной реликвией, могут быть сравнимы по своему значению с мемориальными надписями на вещах, которые наделены таким же статусом. И те и другие очень важны. Если содержание надписи связано с семейным нарративом, то она служит бесспорным основанием для присвоения статуса реликвии.

¹ Например, несколько фотографий из семейного альбома, которые не идентифицированы владельцем как снимки членов семьи, но признаны ею ценными фотодокументами по этнографии евреев, были переданы на хранение в Центр «Петербургская иудаика».

Ил. 9. Семейная реликвия Александра Л. — серебряный портсигар прапрадеда

Надпись на иврите или идише, даже если ее содержание неизвестно, играет такую же роль. Об этом свидетельствует представленный на выставке арт-объект работы Феликса Л., который обычно находится на стене в его мастерской (ил. 10). Этот арт-объект представляет собой композицию из помещенных в разные рамки семейных фотографий. Важное место в композиции отведено титульному листу издания «Эйн Яков»¹, выпущенного в Вильне, вероятно, в середине XIX в. (год издания не указан). Этот лист, помещенный в деревянный корпус от часов, как в раму, — самый крупный элемент композиции, и еврейские буквы на пожелтевшей от времени бумаге играют

¹ Популярное собрание талмудической агады «Эйн Яков» неоднократно переиздавали в Вильне в XIX в.

Ил. 10. Инсталляция «Мишпоха» на выставке, автор — Феликс Лейбович. Фотографии, бумага, стекло, дерево. 120×29 см. Санкт-Петербург, 2003 г.

важную роль. Наверное, они понадобились художнику, чтобы выразить идею о том, что фотографии представителей предшествующих поколений его семьи воплощают в себе память о ее еврейском прошлом.

Поиск «настоящего» пригодного еврейского прошлого

Рассуждая в своей книге «Система вещей» о смысле понятия «семейный дом», Жан Бодрийяр писал о том, что любая находящаяся в семейном доме «старинная вещь — это всегда в широком смысле слова “семейный портрет”. В конкретно-вещественной форме она запечатлевает в себе некое достопамятное прошлое» [Бодрийяр 2001: 36]. Так же как семейный фото-портрет, на котором запечатлены представители предыдущего поколения семьи, признанная семейной реликвией старинная вещь позволяет ее владельцу выступать в роли наследника предшествующих поколений. Хранители семейных реликвий репрезентируют их не только как уцелевшие — выжившие в настоящем частицы прошлого, вещи, «воплощающие» его в себе, но и как инструменты памяти: ключи, открывающие двери в воображаемое пространство семейного прошлого. Большинство участников проекта особо выделяли среди своих еврейских семейных реликвий те, которые удалось связать с относительно далеким прошлым. Это обусловлено тем, что пригодность «старинной» вещи для передачи из поколения в поколение уже проверена временем.

Когда во время интервью Исаак К. демонстрировал свою семейную реликвию — самовар, то указал на трещины, которые имеются на его ручке: *Вот это вот говорит о том, что... Вот это вот... не [мною] сломано — это вот старое, а [поэтому доказывает] то, что он [самовар] не был новым... — не при мне его покупали. <...> Мне не нужна никакая легенда о самоваре — там выдуманная, красивая... [То, о чем я говорю,] это то, что я вот чувствую, знаю... [Relic_SPb_2010_11_Ku_Is].*

Согласно Бодрийяру, старинная вещь «обладает меньшей соотношенностью с другими вещами и выступает как нечто целое, как некая наличная подлинность» [Бодрийяр 2001: 36]. Наталья И. определила подобным образом свою самую ценную семейную реликвию — серебряную шкатулку для хранения этрога, которую использует вместо сахарницы на кухонном столе:

Вот вы не обратили внимания на сахарницу. <...> Между прочим, вы не обратили внимания на истинную вещь... Ложки-то не представляют никакого интереса, как я понимаю. Ложки — самые обычные серебряные ложки, а вот сахарница <...>, она интересная. Это не сахарница, это то, что носят, когда носят дары. Ей очень много лет: она имеет дату. <...> Пользуемся мы ею всегда, всю жизнь мою, все мои 80 лет. Ну и... никуда не собираемся ее, конечно, девать. Мне всегда говорят: как тебе не жалко, — мне не жалко... Я думаю, что она переживет еще и мою внучку. Лет ей очень много: у нее есть дата. <...> На, возьми луну и посмотри

дату... Есть дата, и есть клеймо¹. Больше из старого серебра у меня ничего не осталось, [только] ложки остались. <...> Она всегда была в нашей семье... Это то, что действительно... [Relic_SРb_2010_11_I_N].

Смутное представление о ритуальной функции этой «истинной» вещи Наталья И. составила по рассказам отца. Она настойчиво предлагала интервьюерам обратить внимание на уникальность своей семейной реликвии, признать в ней знак культурной системы, связанной с еврейским прошлым. С точки зрения Натальи И., клейма на шкатулке для этрога, указывающие на ее давность, очень важны, а клейма на серебряных ложках, «не представляющих никакого интереса», нет смысла и рассматривать.

Как следует из приведенного отрывка интервью, Наталья И. совершенно осознанно не изымает самую ценную семейную реликвию из повседневного семейного обихода. Превращение шкатулки для этрога в сахарницу маркирует разрыв между настоящим и прошлым, которое предстает еврейским культурным пространством. Сам этот предмет используется как ключ от двери в мир прошлого — символизирует сохранение памяти о еврейском происхождении семьи. Возможно, ложки были признаны «неинтересными» по сравнению с «сахарницей» потому, что в настоящее время они используются по своему прямому назначению, как и в прошлом.

Во всех интервью, собранных в рамках проекта, фигурируют и досоветское, неопределенно далекое прошлое, и советское, относительно близкое — недавнее прошлое. При этом первое, «ушедшее», потерянное, репрезентируется хранителями семейных реликвий как значительно более яркое с точки зрения еврейского колорита и потому более ценное для суждений о собственном происхождении. По мнению Александра Львова, «русские евреи устойчиво ассоциируют *национальное* с принадлежностями ушедшего или чужого быта, с этнографическим карнавалом. Вне зависимости от того, является ли это *национальное* русским или еврейским, оно оказывается равно чуждым русскому еврею <...>, укорененному лишь в советском прошлом с его преувеличенной ролью *культуры*» [Львов 1996–1997].

Все участники проекта принадлежат к *интеллигенции, которой, как принято считать, свойственно «преувеличивать роль [высокой] культуры», но все они продемонстрировали, что высоко ценят «этнографический карнавал», например они неоднократно*

¹ Клеймо мастера: «ВЛ»; пробирное клеймо: «В.С.»; 1865 г.; 84-я проба и герб Москвы.

посещали «еврейские» выставки в Российском этнографическом музее, которые были устроены в строгом соответствии с законами жанра — тематической предметной экспозиции.

Чтобы подкрепить свое наблюдение о безразличном отношении русских евреев к «национальному еврейскому», Львов приводит фрагмент далеко не однозначного высказывания известного советского поэта Давида Самойлова из его дневника: «У меня нет прямой потребности возвращения к предкам». В той же статье Львов процитировал это высказывание полностью: «У меня нет прямой потребности возвращения к предкам — ни физической, ни духовной. Есть потребность возвращения “к себе”. И только в меру этой потребности — тяга к истокам. Почву же я чувствую в ином — в кругежитого и достигнутого и того, что предстоит достичь. <...> Может быть, для меня возвращение к предкам — следующий этап, когда я почувствую полную силу закрепления “в себе” (13.03.1977 г.)» [Львов 1996–1997].

Представляется, что в этих строках Самойлов выражает надежду однажды обратиться к своему еврейскому происхождению, бесполезному для достижения общественного признания, но необходимому для зрелых размышлений по поводу своего внутреннего «я». Львов близко подошел к такому выводу в своей интерпретации следующих строк из дневника Самойлова: «Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: “Шема Исроэл, адэной алэ-хийну, адэной эход” (“Слушай Израиль, Господь — Бог наш, Господь один”). Единственное, что я запомнил из своего еврейства». По мнению Львова, так выглядит движение Самойлова от себя «внешними обстоятельствами определенного, дармового — к себе свободно выбранному» [Львов 1996–1997]. Действительно, эти строки были написаны Самойловым в 68 лет (4 июня 1988 г.), в зрелом возрасте, когда «выбор» обычно уже сделан. Самойлов неоднократно находил случай публично заявить о своем еврейском происхождении, и был услышан: в Еврейской энциклопедии, например, сказано о том, что тема еврейства присутствует в мемуарной и дневниковой прозе Самойлова [Самойлов Давид].

Еврейская идентичность Самойлова, построенная на памяти о еврейском происхождении, не вела в синагогу, но оказалась воплощена в словах, составляющих символ веры. Самойлов сделал эти слова собственным местом памяти о своем еврействе. Совсем иной шаг — возвращение в синагогу и участие в богослужении, каковы бы ни были причины для этого. Зоара Ш. рассказала следующее: *Нашла тфилин папины... и когда я его спросила: «Ты что вот?», он сказал: «Нет, я просто хочу быть со своим народом»* [Relic_SPb_2010_11_Sh_Z].

Александр С. рассказал о том, как в середине 1960-х гг. *молодежь стала ходить в синагогу, питерскую... не молиться, а в [праздник] Симхат Тора попеть, пообщаться*. Этот рассказ послужил прологом к рассуждениям о том, как следует относиться к своему происхождению:

Вот я читаю воспоминания [о таком событии] очень известного поэта: «В синагогу я зашел по пьянке, первый раз — в восемнадцать лет». Точка. <...> Он может быть какой угодно поэт, но это убогий человек, на мой взгляд. Ты можешь как угодно относиться к религии, к своим пращурам, но ты же должен это знать... Это все равно, что про своих родителей сказать: я их не люблю, поэтому я не знаю, как их зовут, где они родились и чем они занимаются. Да ты не люби их сто раз, хотя это странно, не любить родителей, но как ты можешь не знать, кто они такие? <...> Мне кажется, что любой человек должен как-то осознавать, откуда он происходит [Relic_SPb_2010_11_S_AI].

Судя по этим словам, с точки зрения Александра С., еврейское происхождение до известной степени обязывает человека попытаться составить представление об иудаизме как о религии своих «пращуров»¹.

В том случае, если посещение синагоги обставлено как осмотр музея или памятника архитектуры, демонстрация солидарности с прихожанами не предполагается. В музее посетитель может остаться наедине с собой, даже если этот музей — место памяти сообщества, к которому он себя причисляет. И все же посещения «еврейских» музейных выставок и концертов, например в Петербурге — Клезфеста, могут стать кирпичиками, пригодными для конструирования еврейской идентичности, если воспоминания о них определенным образом «упакованы» в памяти, помещены в контекст, позволяющий осмыслить их как события «еврейской жизни», явления, характерного для нее порядка вещей. Так, Евгения Г. сумела представить «еврейскими» семейные путешествия, вспомнив, как ее отец заботился, чтобы при осмотре местных достопримечательностей не пропустить синагогу. Кроме того, во время интервью она рассказала наизусть поговорку-заговор, которую они с мамой обычно произносят хором, отправляясь в дорогу: *До сих пор, от папы передалось, что когда уезжаем, мы садимся на чемоданы, папа так меня научил, и говорим: «Фор гезунт ун ком гезунт, шолом-шолом»* [Relic_SPb_2010_11_G_Ev]². Упоминание об этой

¹ В числе семейных реликвий Александра С. несколько вещей из числа предметов еврейского ритуального обихода: кроме упомянутого выше талеса в бархатном мешке с вышитой на нем монограммой, две пары тфилин в специальных мешочках и мешок для талеса с аппликацией из золотой тесьмы в форме магендовида.

² В переводе с идиша: «Поезжай здоровым и возвращайся здоровым, шолом-шолом».

семейной традиции позволило Евгению Г. представить «еврейскими» все семейные путешествия, независимо от их цели и маршрута.

Особенно эффективны для конструирования еврейской идентичности на основе происхождения путешествия в места, где родились и жили представители предыдущих поколений семьи. Анатолий Х. привез из такого путешествия осколок кирпича, который собственноручно подобрал у стен «отцовского дома» в бывшем еврейском местечке Жеймялис (ил. 11). Этот осколок кирпича экспонировался на выставке как вещественное доказательство того, что еврейская идентичность Анатолия Х. отстроена им по собственной инициативе.

Как показал опыт Анатолия Х., глубокое знание семейной истории не утоляет потребности в семейных реликвиях. За долгие годы архивной работы он выявил и скопировал множество документов, связанных с историей своей семьи, в частности по линии отца, а также записал несколько интервью с ним. На основе собранного материала Анатолий Х. опубликовал целый ряд статей по еврейской истории. Судя по интервью, изучение истории семьи даже обострило ощущение разрыва с прошлым. Представляется, что поездка в литовский городок Жеймялис, на родину отца, предпринятая вместе с ним в 1983 г., была попыткой преодолеть этот разрыв.

Анатолий Х. рассказал об этом так: *Все что можно, все что можно было собрать, касающееся предков, я все это старался,*

Ил. 11. Семейная реликвия Анатолия Х. — осколок кирпича, подобранный у стен «отцовского дома» в бывшем еврейском местечке Жеймялис (Литва), и записка, написанная его рукой

так сказать, так или иначе [собрать] <...> А дом ведь не увезешь с собой, что делать... как ухватить хоть кусочек? <...> Осколки лежали только небольшие, я взял один из самых крупных [Relic_SPb_2010_11_Kh_An]. Этот осколок кирпича хранится в ящике серванта в целлофановом пакетишке вместе с клочком бумаги, на котором написано «кирпич от отчего дома в Жеймелях», словно археологический артефакт, привезенный из экспедиции.

Рассказ Анатолия Х. о посещении Жеймялиса сопровождался демонстрацией скопированных документов и изложением сведений по истории семьи. В этом рассказе фигурировали два дома: отцовский дом (он же дом деда) и дом прадеда. По словам Анатолия Х., документально им подтвержденным, рядом с домом прадеда находилась синагога. Этот факт Анатолий Х. привел как доказательство того, что дом стоял на «самом почетном месте»¹, когда с гордостью показал подготовленную к публикации копию документа — листа из жеймельской «Книги для записки бракосочетавшихся евреев на 1889 год» с удостоверяющими подписями, в том числе «Помощ. уезд. Раввина по м. Жеймелях Абрамъ Ичикъ Кукъ. Староста Габбе Матись Хаіес»² и спросил: *Об Абраме Куке Вы слышали когда-нибудь? Это знаменитый раввин, главный раввин Израиля. Вот видите, вот [подписал] Матиас Хаеш — габбе, староста [синагоги], так сказать, <...> а вот раввин местечка Жеймялис Абрам Ичик Кук. Матиас Хаеш — он первым обратил внимание на Кука и пригласил его* [Relic_SPb_2010_11_Kh_An]. Эти слова позволяют заметить, что идентичность Анатолия Х., которую он сам определил как не связанную с «религиозной традицией», все же, хотя и опосредовано, соотнесена с ней через идею о происхождении. Анатолий Х. продемонстрировал, что считает факты семейного прошлого, связанные с синагогой, в высшей степени важными.

Интервью с Анатолием Х. дает возможность заключить, что предметы, признанные семейными реликвиями, в отличие от семейных архивов, включающих наборы документов и / или фотографий, почти не пригодны для ментальной реконструкции непрерывной семейной истории. От таких вещей мало проку и для генеалогии, но они очень полезны для преодоления ощущения разрыва с прошлым.

¹ Следует отметить, что в данном случае Анатолий Х. исходил из оценки местоположения дома по шкале, актуальной преимущественно для прихожан синагоги, рядом с которой находился дом его прадеда. Для всех остальных этот дом, наверное, проигрывал домам, выходящим фасадами на торговую площадь, в частности к дому, который принадлежал деду Анатолия Х., бывшей корчме.

² Документ опубликован, см.: [Хаеш 2012].

Практики хранения семейных реликвий и их презентация

До начала интервью Анатолий Х. предложил осмотреть мезузу, укрепленную на входных дверях его квартиры, и отметил: *Вот она какая скромная, теперь в Израиле совершенно не такие мезузы*. Этот предмет был продемонстрирован не как потенциальный экспонат для выставки, а как свидетельство того, что в доме — в семье деда по материнской линии, хотя и *не соблюдались особенно законы, традиции*, но их знали: *ее [мезузу] установил дедушка в 1922 г. вместе с зятем, как только они въехали в эту квартиру; она поставлена по правилам, с нужным наклоном* [Relic_SPb_2010_11_Kh_An].

Особое отношение владельцев к вещам, признанным семейными реликвиями, явно проявляется в обращении с ними во время презентации, которая сопровождается демонстрацией вещей. Возможно, презентация семейных реликвий не только обеспечивает возможность проявления специфической экстрафункции таких вещей, но и является ключевым моментом осмысления способов обращения с ними и условий их реального существования как способов и условий «хранения».

Широкий спектр способов обращения с вещами, наделенными статусом семейной реликвии, обусловлен изобилием предметов, которым он может быть присвоен, а также разнообразием условий жизни их владельцев. И. Разумова выделила три «формы реального существования семейной реликвии»: 1 — использование по прямому назначению, 2 — хранение «подобно музейному экспонату», 3 — ритуализированное обращение «как с семейным символом» [Разумова 2001: 170]. С ее трактовкой трудно согласиться безоговорочно. Третья «форма» обращения не может рассматриваться в одном ряду с двумя первыми уже потому, что аспекты обращения «как с семейным символом» проявляются в момент презентации предмета независимо от того, какова форма его реального существования.

Обращение с семейными реликвиями определяется владельцем вещей как хранение независимо от того, оценивает ли он условия реального существования этих вещей как надлежащие или нет. Семейные реликвии, хранимые «подобно музейному экспонату», т.е. изъятые из обращения по прямому назначению, могут быть в удовлетворительном или поврежденном состоянии. Независимо от этого они могут быть на видном месте (в связи с чем им может быть придана новая функция) или среди предметов домашнего обихода, которые не принято выставлять напоказ. Семейные реликвии, которые выставлены напоказ, потому что в соответствии со своим изначальным или вторичным назначением «украшают» дом, не различимы среди

других вещей, которые также выполняют эту функцию, например произведений искусства и сувениров, привезенных из путешествий. Точно так же невозможно без участия владельца распознать семейные реликвии среди вещей, которые служат по своему прямому утилитарному назначению, например среди посуды или предметов мебели.

На выставке экспонировалось кресло из мебельного гарнитура, о котором его владелица Марианна Ш. рассказала следующее: *Для среднего класса ширпотреб, это так называемый Александровский кабинет. Он стоял в доме моего прадеда на Кировной. <...> Подробностей не знаю, но знаю, что прадед, то есть дед [отца], завещал [свой кабинет] моему отцу [Relic_SPb_2010_11_Sh_M].*

Кроме этого кресла на выставке экспонировалась принадлежащая Марианне Ш. скульптура работы Исаака Иткинда (1871–1969). По словам владелицы, *вещь уникальная <...> это голова талмудиста. И вот эту работу Иткинд подарил моей бабке за то, что она его кормила <...> и разговаривала с ним на идише, потому что он <...> по-русски говорил очень плохо, говорил на идише. И бабка с ним разговаривала на идише, она правила субботу, в общем, она была очень... все-все как положено, и он ей подарил вот эту голову. <...> Вот, собственно говоря, пожалуй, это самое интересное [Relic_SPb_2010_11_Sh_M].*

Чтобы прояснить вопрос о том, как связаны между собой мебельный гарнитур, точнее кресло, в котором обычно сидел отец Марианны Ш. за письменным столом, и скульптура Иткинда, с которым он дружил, необходимо процитировать еще один отрывок из ее интервью.

Из вещей... ну, тут есть еще какие-то. Собственно, что сохранилось еврейского в моем доме... кроме дедушкиной Еврейской энциклопедии, которая пережила войну. Из нее пропало четыре тома... У папы была библиотека очень хорошая, которую как раз дедушка, хотя не имел образования никакого, собирал. <...> Библиотека вся пропала, потому что соседи топили [книгами] печку, когда дед был на фронте. Уцелело чудом несколько томов Шекспира и Байрона и Еврейская энциклопедия... Видимо, из суеверного страха [соседи] боялись ее трогать, у меня такое впечатление. Там только несколько томов пропало. Вот эти две фарфоровые тарелки. Дед собирал тарелки с видами городов: это Петербург и Варшава. Это все, что уцелело [Relic_SPb_2010_11_Sh_M].

Выставку можно рассматривать как своего рода вызов, в ответ на который Марианна Ш., как и другие участники проекта, провела ревизию семейных реликвий и меморатов. Она сумела

рассказать о своем прадеде, о семье деда и бабушки так, что все вещи, принадлежавшие им, были убедительно репрезентированы как еврейские. Среди этих вещей Марианна Ш. отобрала для выставки два предмета: кресло — в память о прадеде, скульптуру Иткинда — о бабушке. Этот выбор был обусловлен также тем, что оба предмета напоминают Марианне Ш. об отце¹.

Установление отношений с предметом как с семейной реликвией, т.е. присвоение или закрепление за ним этого статуса, обычно происходит по случаю. Интервью по поводу еврейских семейных реликвий оказалось вполне подходящим случаем для их «производства». Информанты сфокусировали внимание на поисках контекста, пригодного для соответствующей репрезентации вещей, а не только на фактографической «достоверности» своего рассказа о прошлом семьи.

В ряде случаев признание предметов еврейскими семейными реликвиями было прямо спровоцировано перспективой экспонирования их на выставке. Например, Зоара Ш. собиралась предоставить на выставку только тфилин отца и его книги, но прямо во время интервью решила, что для экспонирования на выставке подойдет еще одна вещь — тарелка из сервиза со следующей историей:

Дедушка сюда [в Ленинград] приезжал из Литвы как интурист. Я помню, что мои родители пошли покупать новый сервиз, потому что надо было, чтоб было кошерное. Хотя я знаю, что это была не простая покупка. Не самый дорогой сервиз, но они купили сервиз приличный. И я тогда у папы спросила: «Дедушка же не знает, откуда он будет знать, что эта посуда [новая и поэтому кошерная]» <...> А папа сказал: «Как же, я могу разве его обманывать? Он же в это верит». <...> Он [дедушка] жил, конечно, у нас, [а не в гостинице, где он как интурист должен был жить по советским правилам]. <...> Поскольку там он ничего есть не мог, потому что там трэфное все, так он нам оставил эти самые талоны [дающие право на посещение ресторана в гостинице]. И я помню, как мы с мамой и с папой ходили пару раз в Европейскую гостиницу, когда он [дед] уехал [Relic_SPb_2010_11_Sh_Z].

Зоара Ш. акцентировала в «культурной биографии» сервиза те моменты, которые определяли его как предмет, связанный с памятью об исполнении еврейских религиозных предписа-

---

¹ Необходимо отметить, что речь идет об известном историке Михаиле Иосифовиче Шахновиче (1911–1992), который был одним из основателей и ведущих специалистов Музея истории религии. Вещи, связанные с памятью о нем, не были выделены на выставке среди других экспонатов, но привлекли к себе особое внимание сотрудников музея, хорошо знакомых с его историей, и особенно тех, кто лично знал Шахновича.

ний ее отцом и дедом. Предоставленная для выставки тарелка из упомянутого сервиза находилась в повседневном обиходе вплоть до интервью. Кроме нее у Зоары Ш. сохранилась еще одна такая же тарелка. Статус семейных реликвий был закреплен за этими тарелками прямо во время интервью. Об этом свидетельствуют слова владелицы о том, что одну из тарелок она может отдать в музей, потому что другая все же останется у нее. (После окончания выставки Зоара Ш. передала на хранение в Центр «Петербургская иудаика» свои семейные реликвии: тарелку, тфилин и несколько книг, принадлежавших отцу.) Присвоение предмету статуса семейной реликвии лишь иногда (далеко не всегда) сопровождается изменением способа обращения с ним.

Эти изменения могут быть нацелены на установление личных отношений с вещами. Например, так поступила Наталия Г. с одной из своих семейных реликвий — бсамим¹ в виде шкатулки (ил. 12). История этого предмета, рассказанная Наталией Г., следующая:

Я ее нашла собственно после того, как мама ушла из жизни... в ее вещах. И считала, что это просто шкатулка, вот использовала ее... для всякой ерунды: тут у меня какая-то небольшая коллекция наперстков лежит до сих пор... для таких вот мелочей <...> О том, что это бсамим, я узнала впервые на выставке Ан-ского в Этнографическом музее, там было что-то в этом роде. <...> Могу признаться, что когда эту штуку я увидела [первый раз], она мне понравилась: вот такая вот красивая, это скань, по моему, называется... Да, все замечательно, но меня ужасно оскорбило и возмутило наличие жемчужины, тут вот, на этом месте. И я попросила своего сослуживца паяльником срезать вот эту штучку [крепление жемчужины]. Когда он срезал, образовалась дырочка. Я немножко пострадала по этому поводу, но мне казалось, что все равно это лучше, чем наличие такой пошлости вот здесь, на крышке. <...> Я пошла к ювелиру <...> и сказала, что хочу, чтоб он заделал мне крышку: чтоб дырочки не было. <...> А он мне позвонил и сказал, что он хочет отремонтировать иначе, потому что <...> в справочниках указано, что на этом месте обычно жемчужинку вставляли². И он тоже мне вставил какую-то, ну наверное, синтетическую, но жемчужинку. И я смирилась — решила, что судьба... И вообще, наверное, в общем все вернулось к тому, как оно должно быть [Relic_SPb_2010_11_G_N].

¹ Бсамим (ивр. 'благовония') — шкатулка для пряностей, например гвоздики или корицы, используемая в обряде хавдала (ивр. 'разделение'), который отмечает исход субботы, отделение ее от будних дней.

² На бсамим стоят клеймо мастера: «ФП»; пробирное клеймо: «В.С», 1858 г., 91-я проба и герб Москвы.

Ил. 12. Семейные реликвии Наталии Г. — серебряная шкатулка-бсамим на салфетке из приданого матери с ее инициалами «Б.А.» (Бася Авербух)

Рассказ Наталии Г. о шкатулке-бсамим включает подробное описание целого ряда событий, связанных с ее обнаружением, порчей и ремонтом. Эта вполне законченная история установления взаимоотношений с предметом осмыслена владелицей как «культурная биография» семейной реликвии.

Представляется, что особое внимание, уделяемое этому предмету владелицей, обусловлено потребностью компенсировать отсутствие легитимной процедуры его передачи как семейной реликвии. Возможно, по этой причине Наталия Г. кардинально изменила способ обращения со шкатулкой-бсамим — поставила ее на трюмо, чтобы была «под рукой». Другие семейные реликвии, с которыми Наталия Г. знакома с детства, хранятся иначе: в шкафу и в серванте за стеклом.

Отношения с семейной реликвией, которая передается легитимным способом, формируются постепенно и незаметно. Александр Л. рассказал об этом в связи со своей семейной реликвией — портсигаром прапрадеда — следующее:

Вот такая эта штукавина... Она у нас передается из поколения в поколение. Наш сын знает его и со временем получит. А у меня в семье традиция — передавать такие вещи не по наследству, а прижизненно. <...> Он лежал в ящике письменного стола...

Поскольку папа был склонен к научной деятельности, у него был кабинет, у него был письменный стол <...> и в одном из ящичков письменного стола, значит, лежали какие-то вещи: <...> разные медали, золотая медаль об окончании школы, вот этот портсигар. Я был мальчишкой, мне это было безумно интересно. Когда никого не было дома, естественно, я во всем этом ковырялся [Relic_SPb_2010_11_L_AI_I].

Большинство из тех, кто выступил в роли хранителя семейных реликвий, трактовали свои «близкие отношения» с вещами с «патерналистских позиций»¹. Так, например, действовала Наталья И., показывая интервьюерам свои мантилью и шаль (ил. 13)². В первую очередь Наталья И. предложила рассмотреть вещи, затем рассказала о них: *Это вот бабушкина мантилья, в которой она ходила в синагогу... ну она [мантилья], конечно, в таком плачевном состоянии. Что с ней делать, я не знаю. <...> А это вот [показывает на кружевную шаль] одевалась на голову... Это все то, что осталось истинное. <...> Вот она, видите, разваливалась, и я всю ее обвязала по фестонам... И я ее... я знаю один раз, когда я ее одевала: я была беременна, и был концерт в филармонии. Я была очень сильно беременна, и на концерт Ойстраха я ее вот так вот на себя накинула [Relic_SPb_2010_11_I_N].*

Ил. 13. Семейные реликвии Натальи И. — мантилья (тюль с аппликацией из атласа) и кружевная шаль ее бабушки

¹ По мнению Евы Доманской, патернализм «предполагает бережное отношение к вещам», «определенную ответственность не только по отношению к другим людям, но и к нечеловеческим существам. При таком подходе люди действуют от имени вещи, выполняя тем самым “контракт по их защите”» [Domanska 2006: 347].

² Идея участия в проекте принадлежит дочери Натальи И. Татьяне. Она помогла организовать интервью и приняла в нем участие. Очевидно, что этот предмет унаследует именно ее дочь, а не сын, т.к. мантилья (вернее то, что от нее осталось) хранится среди обрезков старого кружева, лоскутов и ниток — женского имущества.

Все выше сказанное позволило Наталье И. предстать перед интервьюерами ответственным хранителем семейных реликвий — законной наследницей своей бабушки, представить унаследованные от нее мантилью и шаль предметами традиционного костюма для посещения синагоги, а филармонический концерт Давида Ойстраха¹ — столь же «еврейским» мероприятием, как и синагогальное богослужение.

Многие из участников проекта демонстрировали, что находятся в тактильно «близких отношениях» со своими семейными реликвиями. Например, Ирина Г. во время интервью полностью развернула талес, принадлежавший ее прадеду, и почти примерила его на себя. Она остановилась, заметив: *Это же мужская вещь, я не буду надевать* [Relic_SPb_2010_11_G_Fg_I_v]. В подобной же ситуации Наталья Ф. не приняла в расчет такое соображение и накинула талес своего отца на плечи (ил. 14). Во время интервью она сидела в кресле с талесом на плечах и поглаживала рукой плюшевый мешок для талеса [Relic_SPb_2010_11_F_Al_N_v].

Ил. 14. Наталья Ф. во время интервью

По моим наблюдениям, тактильный контакт с вещами особенно важен для тех людей, кто считает, что эти вещи, достойные статуса ценнейшей семейной реликвии, были ненадлежащим способом исключены из обращения, «незаслуженно» забыты и / или удалены из поля зрения.

Презентация семейных реликвий в кругу близких, в частности в присутствии предполагаемого наследника, — важная состав-

¹ Для еврейской интеллигенции Давид Ойстрах, известный музыкант, интегрированный в советскую творческую элиту, был одним из культурных героев. Показательно, что Ойстрах упомянут в Еврейской энциклопедии, хотя в его репертуаре было мало произведений еврейской музыки.

ляющая практики их «хранения». Каждый, кто берет на себя ответственность за проведение такой презентации, тем самым выступает в роли хранителя семейных реликвий и получает возможность продемонстрировать свои особые отношения с ними. Смысл такого ритуализированного взаимодействия с вещами можно определить, пользуясь термином И. Разумовой, как «приобщение к семейным реликвиям» [Разумова 2001: 173]. Такое приобщение иногда дублирует записка, в которой предмет определяется как вещь, подлежащая хранению, — «на память...». На выставке было три предмета с подобными записками¹. При предъявлении этих реликвий во время интервью их хранители по собственному побуждению зачитали вслух текст, содержащийся в записке.

Семейные реликвии в музейном собрании

Согласно Марселю Моссу, «фамильные ценности» — это «святыня, с которой семья расстается с трудом или не расстается никогда» [Мосс 1996: 155–157]. Выставка «Еврейские семейные реликвии» обеспечила легитимность временного перемещения семейных реликвий из дома в музей. После окончания выставки два предмета были переданы в музей навсегда. Владелец одного из этих предметов, стеклянного бокальчика для кидуша (ил. 15), Борис Ф. написал для выставки краткую справку по истории своей семьи. Эта справка включена в музейный паспорт бокальчика как его «легенда» вместе с приведенной ниже цитатой из интервью с Борисом Ф.:

[Он хранился] у одного из моих дядьев, дяди Симы <...> Он был в этой семье наиболее религиозным мальчиком. Остальные росли, ну так... Сколько я понимаю, отец владел идишем и мог что-то написать, но его это никак не интересовало. <...> Так вот, какие-то предметы, по-видимому, сохранились у моего дядюшки — дяди Симы. Во всяком случае, несколько лет назад его дочка, моя кузина Ирина, подарила мне, считая, что, если выбирать дом, где это может находиться и может быть как-то любопытно. Принесла мне какие-то мелочи, и среди которых <...> вот некий стаканчик. Она, конечно, не могла никак объяснить его назначение, просто знала, что он сохранялся в доме... и вот его передала. <...> Я его приспособил под всякую ерунду [под карандаши] на столе. Я не знаю, не думаю, что он был сделан в России, не думаю, но возможно, в Польше. Это можно узнать, конечно. Здесь надпись, я даже не могу сказать, это иврит или идиш, настолько сер и безнадежен в этом смысле. Вот я знаю только букву Шин, да, это все мои знания, и то почерпнутые из Фейхтвангера [Relic_SPb_2010_11_Fr_B].

¹ Из семейных реликвий Эрлены Л., Анатолия Х., Людмилы Л.

Ил. 15. Семейная реликвия Бориса Ф. — бокал для субботнего обряда кидуш, украшенный надписями на иврите: «в честь субботы дзынь-дзынь», на польском языке: «бокальчик» (собрание ГМИР, Е- 9905-VII)

В этом фрагменте интервью представляются значимыми следующие моменты. Во-первых, у Бориса Ф. нет ясного представления о ритуальном назначении бокальчика, но при этом для него важно, что этот предмет хранился у наиболее религиозного представителя предшествующего поколения семьи. Во-вторых, содержание надписи, которая помещена на бокальчике, оказалось менее важно для его последних владельцев (Бориса Ф. и его кузины), чем то, что эта надпись сделана в еврейской графике. Это обстоятельство, подтверждающее «еврейское» происхождение предмета, рассматривается как основание для проявления к нему «интереса». В-третьих, Борис Ф. избрал значимый способ обращения с этим предметом: бокальчик (как стаканчик для карандашей) был помещен на его письменном столе — под рукой. Смысл этого решения проясняется, если принять во внимание, что Борис Ф. ежедневно работает за столом (он известный писатель, историк литературы, и среди написанных им книг немало посвященных русско-еврейской литературе). Следует также заметить, что решение передать бокальчик на хранение в музей было для Бориса Ф. не слишком трудным, т.к. для него это не самая ценная из семейных реликвий. Таковой была названа групповая семейная фотография 1914 г., с ней Борис Ф. решил расстаться далеко не сразу даже на время выставки.

В обращении Бориса Ф. с семейными реликвиями можно найти много общего с тем, как действуют в сходных обстоятельствах другие участники проекта. Передача семейных реликвий на хранение в музей представляет собой вполне обычную практику¹. Это обеспечивает семейным реликвиям статус объектов культурного наследия и до известной степени гарантирует надлежащие условия их хранения и возможность публичных презентаций. Многим хранителям семейных реликвий эти условия представляются привлекательными.

Заключение

Как было отмечено выше, все участники проекта принадлежат к одной социальной группе, в самом общем виде она может быть определена как *интеллигенция*. Материалы, собранные в рамках проекта, позволяют составить представление об определенном сегменте этой группы, о тех, кто проявляет интерес к своему *еврейскому происхождению*.

Выставка была анонсирована как событие еврейской общественной жизни Санкт-Петербурга². К таковым обычно относят не только мероприятия, которые проводятся еврейскими общественными организациями, но и выставки, концерты и фильмы, по общему мнению, содержательно связанные с обращением к еврейскому культурному наследию. Большинство участников проекта посещают такие мероприятия и тем самым вольно или невольно демонстрируют свою причастность к еврейству.

Согласно мнению социологов, религиозная составляющая не является значимым фактором формирования идентичности большинства российских евреев³. Между тем проект показал, что именно предметы ритуального обихода обладают наивысшим потенциалом для признания их еврейскими семейными реликвиями. Даже если в распоряжении владельцев таких вещей имеются документы, подтверждающие их еврейское происхождение, в том числе старинные метрики, это не снижает потенциала предметов ритуального обихода для превращения в семейные реликвии. Все владельцы таких предметов признали их важной составляющей «полезного» семейного прошлого, иными словами, прошлого, пригодного для конструирования еврейской идентичности на основе происхождения. На мой

¹ Об этом см., например: [Разумова 2001: 163].

² Анонс выставки был размещен не только на сайте Центра «Петербургская иудаика», но и на сайтах других еврейских общественных организаций, например Центра «Сэфер»: <<http://www.sefer.ru/rus/news/4197/>> и Еврейской религиозной общины Санкт-Петербурга: <<http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1939>>.

³ См., например: [Членов 2000].

взгляд, такая ситуация не вполне согласуется с принятым социологами определением советской еврейской идентичности, основанной на происхождении как этнической категории.

Пиетет в отношении предметов еврейского ритуального обихода свидетельствует, на мой взгляд, о том, что их владельцы рассматривают такие вещи как ценные объекты еврейского культурного наследия, которым место в музее. В этой перспективе иудаизм, безусловно, предстает не только религией, но и религиозной культурой. Михаил Членов отметил, что известные ему материалы современных социологических исследований не позволяют утверждать, что «советские евреи рассматривали иудаизм, подобно американским евреям, как религиозную культуру» [Членов 2000]. Мне представляется, что материалы данного исследования дают основания для такого утверждения по крайней мере в отношении поколений, к которым относятся участники проекта (1935–1965 гг.р.).

Вероятно, каждый из участников проекта представлял себе цель выставки по-своему, но все понимали, что в музее их семейное и даже личное прошлое будет репрезентировано как общественно значимое, а их семейные реликвии — как предметы еврейского культурного наследия. Как показал проект, семейная память находит выходы за пределы приватного пространства в публичное, где происходят взаимовлияния между памятью определенной семьи и памятью сообщества, к которому причисляет себя представитель этой семьи. Содержание и способы существования еврейской семейной памяти позволяют считать такой обмен взаимовыгодным.

Библиография

- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
- Борхес Х.Л.* Проза разных лет. М.: Радуга, 1984.
- Вахштайн В.* Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 7–39.
- Гительман Ц.* *Беспокойный* век: евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Гофман И.* Закрепление форм деятельности // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 54–117.
- Зерубавель Я.* Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры // История и коллективная память: Сб. статей по еврейской историографии / Под ред. И. Лурье. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 193–231.
- Иванов А. И.* Бремя пропаганды: репрезентации еврейской земледельческой колонизации в советской документально-публицисти-

- ческой фотографии 1920–1930-х годов // Проблемы еврейской истории: Мат-лы науч. конф. Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. М.: Книжники, 2008. Ч. 1. С. 383–412.
- Йерушалми Й.-Х.* Захор: еврейская история и еврейская память. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2004.
- Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–166.
- Костырченко Г.* Сталин против космополитов: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009.
- Кушкова А.* Понятие «ихес» и его трансформации в советское время // Штетл, XXI век: полевые исследования / Сост. В. Дымшиц, А. Львов, А. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 99–134.
- Львов А.* В поисках русского еврея // Страница Александра Львова на его сайте. 1996–1997 <<http://lvov.judaica.spb.ru/rusj.shtml>>.
- Магальес М.* «Не маленькая страна»: о гетеротопии, инструктивных пространствах и практиках производства знания в Португалии XX века // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 286–305.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.
- Нора П.* Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюи-меж Ж. де, Винок М. Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
- Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.
- Самойлов Давид // Электронная еврейская энциклопедия <<http://www.eleven.co.il/article/13676>>.
- Соколова А.* Еврейские местечки памяти: локализация штетла // Штетл, XXI век: полевые исследования / Сост. В. Дымшиц, А. Львов, А. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 29–64.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.
- Хадсон К.* Влиятельные музеи. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Хаеш А.* Методика комплексного исследования ревизских сказок еврейского общества. На примере местечка Жеймли. Сказки 1816–1853 годов // Еврейская старина. 2012. № 4(75) <<http://berkovich-zametki.com/2012/Starina/Nomer4/Naesh1.php>>.
- Цейтлин Е.* Долгие беседы в ожидании счастливой смерти: из дневников этих лет. М.; Иерусалим: Знание; ДААТ, 2001.
- Членов М.* Особенности еврейской самоидентификации // Индекс. Досье на цензуру. 2000. № 11 <<http://index.org.ru/journal/11/chlenov.html>>.

- Domanska E.* The Material Presence of the Past // History and Theory. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 337–348.
- Maroivic I.* The Museum Message: Between the Document and Information, in Museum, Media, Message / Ed. by E. Hooper-Greenhill. L.: Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 29–30.
- Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989, Spring. No. 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.
- Zborowski M., Herzog E.* Life is with People: The Jewish Little-town in Eastern Europe. N.Y.: International Universities Press, 1952.
- Zborowski M., Herzog E.* Life is with People: The Culture of the Shtetl. N.Y.: Schocken Books, 1962.

Список интервью полевого архива межфакультетского Центра «Петербургская нудайка» Европейского университета в Санкт-Петербурге (ИА МФЦПИ ЕУСПб)

Из коллекции интервью «Mog_07» (Могилев-Подольский, Украина, 2007 г.)

Mog_07_095 (зап. А. Кушкова, Я. Войтенко, С. Изард).

Из коллекции интервью «Relic_SPb_2010_11» (Проект «Семейные реликвии и еврейская память», Санкт-Петербург, 2010–2011 гг.)

- Relic_SPb_2010_11_V_Bel (зап. А. Кушкова);
- Relic_SPb_2010_11_El_Ek (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_G_Ev (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_F_Al_N_v (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_Fr_Al_Nat (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_Fr_V (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_G_Fr_I_v (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_G_N (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_I_N (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_Kh_An (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_Ku_Is (зап. А. Соколова, В. Дымшиц);
- Relic_SPb_2010_11_L_Al_I (зап. А. Соколова, А. Павлова);
- Relic_SPb_2010_11_L_Is (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_M_OI (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_OI_Yu (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_R_Lud (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_S_Al (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_Sh_M (зап. А. Соколова, В. Дымшиц);
- Relic_SPb_2010_11_Sh_Z (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен);
- Relic_SPb_2010_11_Ya_Sem (зап. А. Соколова);
- Relic_SPb_2010_11_Z_T (зап. А. Соколова, М. Хаккарайнен).